

Однако у Марши, как оказалось, были совсем другие планы. Весь вчерашний вечер она только и делала, что дразнила Луиса на тему его «симпатии» к графу, и сегодня, судя по всему, её запала хватало надолго. Уже за утренней уборкой она, ловко орудуя метлой, стрельнула в него хитрым взглядом:

— Луи, если сегодня вдруг случайно окажешься в кабинете, просто передай свои дела мне. А то увидишь, как граф читает книги в одиночестве, и влюбишься в него ещё сильнее, чем сейчас. Тогда точно пропал.

— Я не влюблён! Сколько можно повторять? — Луис, чувствуя, как щёки заливают краской, схватил тряпку и принялся яростно протирать подоконник. — Давай лучше работать. Сегодня и так дел по горло.

Он твёрдо решил сегодня выложиться по полной, чтобы избежать любых лишних разговоров и недоразумений. Особенно тех, что касаются графа.

И он действительно работал усерднее, чем планировал. День генеральной уборки выдался суматошным — все были заняты, но Луис, известный своей силой, оказался нарасхват. Он мыл огромные окна, от которых рябило в глазах, перетаскивал тяжёлую мебель, выбивал ковры и драил полы. К обеду он чувствовал себя выжатым лимоном, а к ужину руки дрожали так, что он едва удерживал столовые приборы.

Но, несмотря на усталость, в груди теплилась гордость.

Кажется, сегодня я не опозорился, — подумал он, вспоминая утро, когда пришлось спешить. — Даже когда пришлось забирать бельё наверх, обошлось без происшествий.

Он не знал о правиле, по которому в день генеральной уборки все выставляли мусор и грязное бельё в коридор, поэтому спохватился поздно. Пришлось в спешке карабкаться на второй этаж, выносить постельное бельё, а потом ещё и чистить камин. Но, к счастью, больше серьёзных проблем не случилось.

Правда, Луис подозревал, что дело было не столько в его внезапно проснувшейся ловкости, сколько в том, что граф почти не покидал своих покоев. За весь день, кроме времени обеда, он ни разу не появился в общих зонах.

«Интересно, он всё это время просидел в кабинете? Наверное, очень любит читать. Но... разве не одиноко проводить целые дни в компании книг?»

Поедая пудинг, Луис начал думать о графе. В этот момент Марша, сидевшая рядом с ним, сделала хитрое выражение лица, словно подглядывая в его мысли.

Луис, почувствовав неладное, торопливо запихал в рот остатки пудинга, одним глотком допил чай и вскочил из-за стола:

— Думаю, я пойду наверх. Немного отдохну перед сном.

— Луи, мы же хотели в карты поиграть! — возмутилась Марша.

— В следующий раз! — бросил он на ходу, быстрым шагом покидая столовую.

Завтра предстоял не менее насыщенный день, так что лучше было умыться и лечь пораньше.

Он вернулся в свою комнату, чтобы переодеть пыльный фартук, и вдруг замер посреди комнаты, почувствовав дискомфорт.

«Где крест?!»

Он подошёл к кровати и принялся шарить рукой под подушкой, потом — на тумбочке. Креста не было.

Он перерыл всё постельное бельё, заглянул под кровать, проверил карманы фартука. Нигде.

Его бросило в пот.

Это был не просто деревянный крестик. Это было единственное, что осталось от матери. В приюте Берка, где у сирот отбирали даже нижнее бельё, Луис ухитрился сохранить его — прятал в тайнике, носил на шее под одеждой, никогда не расставался.

Он бросился вниз, в прачечную. Перерыл горы грязного белья, заглянул в огромные чаны, обыскал каждый угол, но крест так и не нашел.

Для Луи это была ценная вещь, но для других она могла показаться мусором. Опасаясь, что ее могли выбросить где-нибудь, он остановил горничную, которая все еще находилась в прачечной, и спросил.

— Куда выбрасывают вещи из комнат? — спросил он у горничной, которая всё ещё возилась с утюгом.

— Обычно садовник собирает всё, что можно сжечь, и сжигает в саду, — ответила она вяло, даже не подняв головы.

Луис побелел как полотно и вылетел на улицу.

Но в дальнем углу сада, там, где обычно разводили костёр, лежала лишь куча серого пепла. Свежего, ещё хранящего тепло.

— Нет... — прошептал он, опускаясь на колени. — Нет, нет, нет...

Он запустил руки в пепел, разгребая его, но не нашёл ничего — ни обугленного кусочка дерева, ни следа того, что было ему так дорого. Всё превратилось в прах.

В голове помутилось. Небо, казалось, потемнело и готово было рухнуть на него.

— Что ты здесь делаешь?

Голос, прозвучавший за спиной, был холодным, как зимний ветер.

Луис удивленно повернул голову. В тусклом лунном свете, окружённый серебристым сиянием, стоял Эллиот. На нём были шляпа и длинное пальто, словно он только что вернулся с вечерней прогулки. Луис, с трудом поднявшись на дрожащие ноги, не мог вымолвить ни слова — лишь смотрел на графа в отчаянии.

— Я тебя спрашиваю, — голос Эллиота стал на тон холоднее, — что ты делаешь?

— Я... потерял крест... — голос Луиса сорвался на шёпот.

— Крест?

Печаль, до этого сдерживаемая, хлынула наружу, как вода из прорванной плотины. Слова полились сами собой, хотя Луис никогда не осмелился бы заговорить с графом в таком тоне:

— Маленький деревянный крестик... Наверное, выпал, когда я переносил бельё. Я везде искал... везде... — его голос задрожал. — Может, его уже сожгли. Это единственное, что осталось от матери... Если его нет... я потерял всё...

Он глубоко вздохнул, пытаясь сдержать слёзы, но они предательски навернулись на глаза. Перед внутренним взором встало лицо матери — бледное, исхудавшее, но с тёплой улыбкой. Как она сжимала его руку, уже уходя, и шептала что-то бессвязное... Неважно, были ли это последние наставления или просто бред умирающей. Крест оставался единственной нитью, связывающей его с теми счастливыми днями, с той единственной, кто любила его по-настоящему.

В тот самый момент, когда он уже готов был разрыдаться в голос, граф вдруг спокойно, почти небрежно, полез в карман пальто и извлёк оттуда что-то маленькое.

— Это то, что ты ищешь?

Луис не поверил своим глазам. Эллиот протягивал ему его крест. Луис чуть не упал, ноги у него подкосились.

— Д-да! Это он! — воскликнул Луис, хватая крест дрожащими пальцами. — Но... откуда? Где вы его нашли?

— Лежал в прихожей, — равнодушно ответил граф, будто речь шла о забытой на столе перчатке. — Показался знакомым. Я подумал, что это Дмитрий обронил.

Дрожа, Луи принял крест от графа, и его охватило чувство облегчения.

— Слава богу... О, Господи... — всхлипывал он, не в силах остановиться. — Спасибо... спасибо...

Он пытался сдержать слезы, но не мог остановить их поток. Худощавое тело Луиса сотрясалось от рыданий. Он плакал, не скрываясь и слёзы капали на траву, на его дрожащие руки, на маленький деревянный крестик.

По какой-то причине Эллиот не уходил. Он стоял в нескольких шагах, молчаливый и неподвижный, и смотрел, как Луис плачет. В его позе не было ни раздражения, ни нетерпения. Он ждал, пока слёзы иссякнут сами собой.

Прошло много времени, когда Луис, наконец, всхлипнул в последний раз и поднял заплаканное лицо. Только сейчас до него дошло, что граф всё это время был рядом.

— Вдох... э-э... — он шмыгнул носом и почувствовал, как краска стыда заливает лицо. — Простите... за мой неопрятный вид... — он судорожно вытер щёки рукавом. — Спасибо... большое вам спасибо. Благодаря вам я нашёл его.

Он поклонился, бормоча слова благодарности, уже собираясь уйти, но Эллиот не двигался. Он продолжал смотреть на Луиса с каким-то странным, нечитаемым выражением. Луис тоже

замер, не в силах отвести взгляд.

Между ними повисла неловкая, тягучая тишина.

— Вы даже не представляете, как много для меня значит этот крест, — тихо сказал Луис, не узнавая свой голос. — Как я могу отблагодарить вас?

Он сам не знал, зачем говорит всё это.

— Я слышал, вы любите читать... — продолжал он, глядя куда-то в сторону. — Мы с матерью, когда жили в хижине, тоже любили книги. У нас была всего одна, зачитанная до дыр, но...

Он запнулся. Мысли путались, губы шевелились сами собой, но нужные слова не приходили.

— Вы... вы помните меня? — вырвалось вдруг. — В тот раз, в ателье... когда вы...

Он не договорил. Слова застряли в горле, потому что он не знал, уместно ли их произносить, и с чего вообще начать. Лунный свет окутывал их двоих, и тишина между ними казалась почти осязаемой.

По какой-то причине Эллиот не внушал страха. Его взгляд казался равнодушным, но в то же время нежным и немного щекочущим.

Прохладный ветерок шевельнул волосы, где-то в траве застрекотали сверчки. Голова Луиса стала тяжёлой, а мысли — вязкими и сонными. Всё вокруг казалось каким-то нереальным, как во сне.

— Ах... — вырвался у него слабый вздох.

В одно мгновение феромоны Луиса, которые он обычно контролировал, ослабли. Тонкий аромат ландыша распространился в темном ночном воздухе. Луис похолодел. Он мгновенно подавил запах, затолкал его обратно, в самую глубину, но было уже поздно.

«Он почувствовал? — лихорадочно забилось сердце. — Всего лишь миг... неужели он заметил?»

Эллиот чуть наклонил голову. На его щеке, озарённой луной, проступил лёгкий румянец — или это только показалось Луису в тусклом свете? Взгляд графа стал острее, внимательнее.

Луиса охватило дурное предчувствие. Если он останется здесь ещё хоть на минуту, случится что-то непоправимое.

— Простите! — выпалил он, пятясь назад. — Спокойной ночи, милорд!

Он развернулся и бросился прочь, не оглядываясь, едва не падая на каждом шагу. Ноги дрожали, сердце колотилось где-то в горле, а в ушах шумело. Он влетел в дом, взбежал по лестнице, ворвался в свою комнату и захлопнул дверь.

Смыв с себя пыль, грязь и пепел, он лежал в постели, сжимая крест, и только тогда осознал всю тяжесть своих действий. Он выпустил феромоны.

Перед графом. Перед Альфой.

Для омеги это было равносильно откровенному приглашению. Самому наглому, самому неприличному поступку, на который только можно было осмелиться.

«Что бы со мной сделали, если бы он заметил? — с ужасом думал Луис, растирая онемевшие пальцы. — Выгнали бы в ту же минуту? Или...»

Он не мог закончить мысль. Слишком страшно было даже представить.

Его сердце продолжало бешено колотиться до самого утра, не давая сомкнуть глаз. А когда он наконец провалился в тревожную дрему, ему снился лунный свет, холодный взгляд и едва уловимый румянец на бледной щеке.

<http://bllate.org/book/15007/1605360>